

Михаил Небогатов

Слова, идущие от сердца

рецензия на книгу И.С. Полунина «Февральская свирель». – Кемерово, 1977
// Кузбасс. – 1977. – 19 августа. – С. 4.

Два года назад мне довелось представлять читателям газеты «Кузбасс» молодого кемеровского поэта Ивана Полунина. Во вступительном слове к подборке его стихов я приводил отзыв известного советского критика А. Михайлова о первых поэтических опытах этого автора. Вот что писал А. Михайлов во «внутренней» (издательской) рецензии: «Рукопись Ивана Полунина привлекательна лирической открытостью, искренностью... Он целиком рассчитывает на человеческое взаимопонимание... не рассчитывает, а просто раскрывает душу, если хотите, исповедуется». И вот перед нами первая книга Ивана Полунина под названием «Февральская свирель», выпущенная Кемеровским книжным издательством. В книге Ивана Полунина подавляющее большинство стихов – это исповедь автора, его рассказ о самом себе, о своей жизни, о своей судьбе. Читаешь эту книгу, и создаётся впечатление, что перед тобой – дневник, который писался только для самого себя, а потом автор решил обнародовать свои записи. Читать такой дневник интересно, как интересно слушать иного собеседника, умеющего увлекательно, взволнованно рассказывать о том, что он пережил, перечувствовал. Интерес этот подкрепляется ещё и тем, что рассказчик предельно искренен, откровенен, он нисколько не старается возвысить себя в глазах слушателя, он перед тобой такой, какой есть, со всеми своими достоинствами и недостатками.

Жизненная дорога Полунина была непростой и нелёгкой. На его долю выпало немало суровых испытаний, начиная с самого детства. «Под пламенеющим покровом буран отвластовал с утра. И вот уже мальчишки снова несутся с криками: «Ура!»... А мне? Лишь стоит вдаль взглядеться, увижу бурые дворы... В моё обрубленное детство война входила. Без игры». А началась юность – и длительная оторванность от родных мест, жизнь и труд в северных краях. Вспоминая об этом времени, поэт откровенно признаётся: «И всё во мне живёт южанин, взрывной при всяком пустяке. Хотя давно себе внушаю: мол, так нельзя – не по летам, ведь за спиной – тропа большая. А сколько было срывов там! Не подсчитать. Не трать минуты! Быть может, в северном краю ночной буран да ветер лютый остудят голову твою...».

Как говорит один мой знакомый, мы часто сами выдумываем себе трудности, а потом с энтузиазмом преодолеваем их. Это я к тому: из

процитированных выше строк видно, что виной того, почему появилась необходимость остужать свою голову, можно предположить, был сам автор этих строк, его «взрывной» характер. Но и вдали от дома, от соловьиных курских мест не черствеет сердце, если оно от природы отзывчивое, доброе: «Воробей, замёрзший на лету, камнем пал на жёсткий пласт позёмки... Что его позвало в высоту, разве голос у пичужки громкий?.. Вспоминая хлеб из отрубей, самый чёрствый, с примесью половы, я кормлю не только голубей– всех пичуг, признавших край суровый». А не великое ли горе – узнать в разлуке о смерти любимой матери, не оказаться рядом с ней в её последний час. «Прости, мой край! К тебе незваным гостем я заглянул из вологодских мест побывать в тиши на стареньком погосте, где мамин холм и деревянный крест. Она звала... Да только я не слышал: был далеко от материнских глаз... Но чувствовал, что здесь, под нашей крышей, вершится что-то страшное для нас... Как холодно и как вокруг пустынно! И вот сейчас беспомощно стою. А на виски ложится паутина, хотя июль, июль в моём краю».

Трудностью и сложностью судьбы продиктован главный мотив книги «Февральская свирель» – он, в основном, минорный, даже элегический. Кстати сказать, одно из стихотворений прямо так и называется – «Элегия»:

Ни письма, ни единого звука...

То ли ты на распутье дорог,

То ли скорый по рельсам простукал,

Полустанком моим пренебрёг?..

Как видим, и счастливой любовью автор книги похвалиться не может. Подобный же мотив полустанка, мимо которого пронёсся поезд с той, с кем хотелось бы быть вместе, звучит и в других стихах: «Мне и сегодня неизвестно: была ли ты, как все, земной, а, может, – призраком небесным, воображённым тайно мной?». Пусть характер у автора книги неуживчивый, жёсткий, «взрывной» (он и сам не боится признаться в этом), зато сердце, как мы уже упоминали, доброе, чуткое. Оно неравнодушно к многообразной красоте природы. Деревня для Полунина – начало его жизни, его приобщения к труду: «И не вправе, как воин бывалый, оставлять без боёв рубежи: я на жатве мужал, у штурвала, от усталости веки смежив». И убедительное обобщение: «Так могу ли не думать о прежнем – о земле, где пожухла земля, если крепким и правильным стержнем одарила деревня меня?»

По приведённым цитатам у читателей может возникнуть впечатление, что Иван Полунин всецело занят одним собой. Это не совсем так. Есть в его «дневнике» и стихи гражданского звучания. Одно из них – «Моя тревога»

следует выделить. Удачных строк, радующих точностью, образностью, большой эмоциональностью, в книге много, однако есть в ней и немало совсем неудачных не только строк, а целых стихотворений, вроде «Баллады о связисте», повторяющей существующее в русской поэзии («связист концы (провода) безмолвные нащупал, зубами сжал...»). К существенному недостатку следует отнести и явственную зависимость отдельных стихов от интонаций Сергея Есенина («Мать честная! И впрямь из-за тучи...», «Отцвело, отпело, отгрустило...»), а также от интонации современного поэта, ныне покойного Николая Рубцова. Будем считать это ранней данью подражательности (или учёбы), а вообще-то Иван Полунин по праву мог сказать в своём «дневнике»: «В ту ночь февраль тихонько ставню тронул, оставил гравировку на окне: поэзии крылатую корону чудак с рожденья напорочил мне».